

Вадим Перельмутер

Забытая поэма Шенгели

27 апреля 1919 года Шенгели писал Волошину из Одессы: «Я работаю напряженно, перевел пьесу Клоделя «La ville», написал два учебника по стихосложению и скоро издаю трактат о стихе. Написал трагедию в стихах «Сальери», пишу еще одну»...

Перевод пьесы не найден, возможно, был сделан для постановки в каком-то из многих возникавших-исчезавших тогда театров, с ним и потерялся след. «Трактат о русском стихе» впервые опубликован в Одессе в 1921 году (два года спустя именно за эту книгу Шенгели был принят действительным членом в Государственную академию художественных наук – ГАХН). «Практическое стиховедение» (объединившее те самые «два учебника») вышло в Москве (1923) – и много раз дополнялось и переиздавалось, иногда меняя заглавие. «Еще одна» трагедия – драматическая поэма «Нечаев», изданная вскоре по завершении, опять же, в Одессе (1920).

Упоминание о «Сальери» осталось единственным – ни в одной из дальнейших «автобиблиографий» это сочинение не обозначено. Судя по этому, автор считал поэму потерянной – безвозвратно. Обнаружилась она осенью 2001 года, как водится, случайно – в архиве ИМЛИ, где фонда Шенгели нет, а «материалы» долгое время не были «расписаны по именам», пока не начался выпуск архивного каталога. Годом позже – опубликована (<http://sites.utoronto.ca/tsq/01/index01.shtml>). Несколько лет спустя Литературный музей купил авторскую рукопись поэмы – каким образом и когда она попала в руки «продавца», осталось неизвестным.

В авторскую машинопись книги драматических поэм кроме «Сальери» включены «Нечаев» и «Доктор Гильотен». Хранилась она, вернее, затерялась, среди бумаг Госиздата, куда, судя по штампу на титульном листе, была сдана 14 апреля 1923 года.

К той поре, когда складывалась эта книга, Шенгели написал пять драматических поэм. Три опубликовал: «Нечаев», «1871» и «Броненосец «Потемкин». Для книги отобрал лишь первую из них. Плюс две неизданных. Вероятно, думается мне, две из трех напечатанных, наиболее «революционные», и потому, казалось бы, «актуальные» в начале двадцатых годов сочинения, не вписывались в замысел книги – цикла из трех поэм. Цикла, связанного общей мыслью, которую поэт как бы испытывает в разных ситуациях и ракурсах. Мысль о высокой благородной цели, которая, по убеждению целеустремленных, способна оправдать любые средства для ее достижения.

Революционер-террорист Нечаев, чье «дело об убийстве студента Иванова» стало для Достоевского прообразом сюжета «Бесов». Из отзывов людей, знавших Нечаева, сочувствовавших цели, как Герцен или Бакунин, возникает образ едва ли не более резкий, нежели воссозданный воображением романиста. Таков он и у Шенгели.

Сальери, которого – в отличие от пушкинского – ведет не зависть, но жажда власти. Всеохватной власти поэтического слова, на овладение которой он, Сальери, истово потратил всю свою жизнь. Но тут... Моцарт, прямой потомок Орфея, само существование которого начисто лишает смысла «жажду власти», да и саму «власть».

Твердый противник смертной казни ученый-анатом Жозеф-Игнас Гильотен, искренний гуманист, предложивший в 1789 году на заседании Учредительного собрания революционной Франции – на срок, пока будет применяться эта временная высшая мера наказания, использовать для усекновения головы механизм, который хотя бы не станет причинять боли казнимому.

И дети доктора, сменившие фамилию, чтобы никому не напоминать собою об отце и гильотине (разумеется, знавший об этом предании Шенгели вычерчивает несколько иной финал – и ничуть не менее убедительный).

Можно предположить, что вместе с вышедшей годом раньше в том же издательстве книгой стихов «Раковина» «Драматические поэмы» должны были с достаточной, на взгляд автора, полнотой представить публике поэта, окончательно перебравшегося в столицу, осевшего в ней. Не получилось. Две трети книги при жизни поэта остались неизданными. Однако, по-моему, и теперь, почти век спустя, возможная после публикации поэмы о докторе Гильотене реконструкция всего шенгелевского цикла имеет смысл отнюдь не только историко-литературный...

Георгий Шенгели

Доктор Гильотен

Драматическая поэма

Сцена I

Слуга Жером и Посетитель.

Посетитель

Сказали вы, что с вечера ушел он,
А вот уж день. Пора ему вернуться.
Позвольте – я подожду его?

Жером

Что ж, если вам не жаль полдня потратить.
Когда мой барин свой футляр рабочий,
С ланцетами, берет с собой, тогда,
Случается, и сутки пропадает.

Посетитель

Точь-в-точь как я.

Жером

Вы тоже врач?

Посетитель

Пожалуй.
И у меня в шагреновом футляре
Есть парочка ланцетов.

Жером

Значит, вы
Хирург?

Посетитель

Хирург. Когда больному худо,
Когда ему железные пилюли,
Диета и массаж, и моцион,
С веслом в руках, киркой или лопатой,
Не помогают, – то являюсь я.
Ланцетом – раз.

Жером

Прекрасная система.

Известно, что причина всех болезней
Есть опухоль, под сердцем или в почках.
Не правда ли?

Посетитель

Конечно. Особливо
Та опухоль, что на плечах бывает,
Quae caput appellatur. Срежь – капут.

Жером

Кому капут?

Посетитель

Да никому – болезни.

Жером

Вы, сударь, говорите как-то странно,
Я не пойму вас.

Посетитель

Ничего, мой друг,
Не стоит опухоль ломать... Ну, так
Я ожидать не стану. Вы же, милый,
Вручите доктору мой личный адрес,
Вот, и прибавьте заодно, что я
Теперь прошу его ко мне. Прощайте.
(Уходит.)

Жером

Прощайте... Очень странный господин.
Кто б это был?

*(Через боковую дверь входит с охапкой срезанных цветов
доктор Гильотен.)*

Вы, сударь, здесь?

Гильотен

Я садом
Прошел. Какая свежесть. И в цветах
Роса прохладной радугой трепещет...
Поставь их в воду.

Жером

Можно вас поздравить
С успешной операцией?

Гильотен

Еще бы.
Такой здоровый мальчик. Фунтов десять
Или двенадцать.

Жером

Боже мой! Да разве
Маркиз рожал?

Гильотен

Какой маркиз?

Жером

Который
За вами присылал вчера.

Гильотен

А, тот...
Я был у гончара. Его жене
Никак не удавалось разрешиться.

Жером

А гонорар вам уплатили?

Гильотен

Нет,
Я сам ему два ливра дал, бедняге

Жером

Что? Вот так практика! Ах, сударь, сударь!
А жалованье мне? Ведь я уже
Три месяца его не получал.

Гильотен

Ну, не ворчи, Жером. Что делать... Слушай,
А что ж цветы? Поставь скорее в воду.
Как можно быть таким жестоким? Разве
Они не так же жаждут пить, как ты?

Жером

Сейчас... Вы, сударь, отдохнуть легли бы.

Гильотен

Нет, нет: меня работа ждет.

Жером

Работа...
В гроб хочет лечь: не ест, не пьет, не спит;
(Уходит.)

Гильотен

Какое утро. Как сильна природа.
Как сладко в ней всевластный чутяť разум.
Во всем. От листьев и до человека.

(Снимает чехол со скелета.)

Хотя б скелет: вот позвонки – чем ниже,
Тем толще, ибо возрастает груз
Несомых ими мышц. А передав
Вес туловища тазу и бедру,
Вдруг истончаются. Какой природа
Ваятель, зодчий! И какой хозяин:
Ни лишней доли вещества и силы
Не израсходует... А эта шея!
Семь позвонков, и каждый тверже меди –
Не прорубить, и паяны так плотно.
Не рассчитать удара, что проник бы
Меж позвонков. И, значит, взмах меча,
Рассекши кожу, мышцы, увлекает
Перед собой случайный позвонок,
Пока не разорвется сухожилье,
И лишь тогда сталь проникает вглубь
И отделяет голову... Как сложно!
Какую муку должен испытать
Казнимый, и палач какую силой
Быть наделен. Нет, несогласно это
С разумной мыслью... Эй, Жером!

Жером

Я здесь.

Гильотен

Никто меня не спрашивал?

Жером

Был кто-то,
Какой-то странный господин, – не знаю.
Для вас он адрес свой оставил.

Гильотен

Что же
Ты не сказал? Как можно так зевать?

Тебя не спросишь, ты... Давай скорее.

(Читает.)

Как жаль, что опоздал я. Знаешь ты,
Кто это был?

Жером

Он говорил: хирург.

Гильотен

Он пошутил. То был Сансон, палач.

Жером

Палач! Святая Дева! Что же надо
Ему от вас? Велел он вам сказать,
Что будет ждать вас. Не ходите, сударь!

Гильотен

Не бойся, милый мой. Мне надо с ним
Поговорить... Когда-нибудь ты видел
Казнь?

Жером

Видел раз. Черт потянул смотреть.

Гильотен

А что ты чувствовал?

Жером

В грудях тошнило.

Гильотен

А было жаль преступника?

Жером

А как же?

Известно, жаль. Он бьется, верещит.
Палач раз шесть его рубил – не мог
Перерубить. За волосы потом
Схватил и вроде как пилить стал шею.
А кровь-то хлещет, как из кабака.

Гильотен

Ведь он преступник.

Жером

Что ж, немудрено:
Законов всех и не сочтешь. К тому же

Никто в злодеи даром не пойдет –
От голода всё больше.

Гильотен

Значит, лучше,
Чтоб казней вовсе не было таких?

Жером

Известно, лучше.

Гильотен

Да, я так и думал:
Народный, здравый дух... Постой, Жером,
Мы скоро это всё исправим!

Сцена II

Гостиная в доме Сансона. Сансон и его сын Поль.

Сансон

Ну, причастился, Поль?

Поль

Да, папочка.

Сансон

Великий это день.
Теперь ты, так сказать, вступаешь в жизнь.
Меч – в сторону. Теперь ты должен мыслить.
Ты должен быть католиком, французом
И верноподданным. Не забывай,
Что пред тобой почетная задача
И трудная: быть добрым членом рода,
Который много лет не выпускал
Меч правосудия из рук. Ты будешь,
Как монсеньор архиепископ или
Как маршал Франции: перед лицом
Всего Парижа будешь подыматься
На помост роковой и заносить
Над головой преступника тот меч,
Чью рукоять рука отца сжимала
И деда твоего, и прадеда.

Поль

Мне и кюре об этом говорил.

Сансон

Вот видишь! Но не забывай притом,
Что дело не в одном почете. Должность
Немаловажный и доход приносит.
Сам видишь: мебель вот, картины, люстра,
По праздникам жжем восковые свечи, –
Все точно у судьи любого. Если ж
Нам должность потерять – тогда конец:
Другого дела не дадут Сансонам
Завистливые эти горожане,
Как не давали в жены дочерей...
Поэтому быть надо осторожным
И, Боже сохрани, не поскользнуться.

Поль

Об этом тоже говорил кюре.

Сансон

Вот видишь! Я тебе и приготовил.

Поль

Что это?

Сансон

Библия, подарок мой!
Я в переплет велел вплести листы
Бумаги чистой. Заноси туда
Свои раздумья, запечатлевай
Слова, советы, что услышишь. Пусть
И Слово Божие, и опыт твой
Тебе всегда послужат руководством.

Поль

Спасибо, папочка! Какой прекрасный
Сафьянный переплет! Какой обрез!
Тут и картинки.

Сансон

Ну, ступай, мальчишка.

Ишь...

(Входит Шмидт.)

Шмидт

Здравствуйте, мой друг! Здорово, Поль!
Что это у тебя?

Поль

Подарок папы:
Сегодня я конфирмовался.

Шмидт

Вот что!
Жаль, папа твой мне не сказал об этом,
А то б и я с пустыми не пришел
Руками. Впрочем, обещаю: будет.
Как поживаете, Сансон?

Сансон

Ступай, сынок.
(Поль уходит.)
Спасибо, что ж, недурно. Досточтимый
Судья наш де Вири мне обещал
Исхлопотать, чтобы одежда вся,
Что от казнимых остается, шла
Мне в собственность.

Шмидт

Прекрасно, поздравляю.
А я принес вам дивный бержерет.
Слова и музыка – сплошная прелесть!
Исполним?

*(Раскрывает ноты; Сансон садится за клавикорды, играет;
Шмидт поет.)*

Блистала долина
Хрустальной росой.
Пастушка Алина
Стопою босой
Левкоев касалась,
И нежная грудь,
Чуть смея вздохнуть,
Легко волновалась.
Чуть смея вздохнуть,
Легко волновалась.

Лиэль загорелый,
Глядя в ручеек,
Упругий и белый
Лелеял цветок,
И ласки страшася,
Прекрасная грудь...
(*Стук в дверь.*)

Сансон

Прошу.
(*Входит Гильотен.*)

Гильотен

Простите: помешал я? Слышу
Здесь музыку.

Сансон

Нисколько.

Гильотен

Гильотен.
Я вам писал, и очень сожалею,
Что не успел принять вас.

Сансон

Ничего.
Чем я могу служить вам?

Гильотен

Дело в том,
Что я как врач и гуманист давно
Скорбел, что казнь...

Сансон

Она необходима.

Гильотен

Нет-нет, кто возражает? Я скорбел,
Что казнь творится не совсем согласно
С тем, что нам разум говорит. Ведь цель
Всех казней – не мучение, иначе
Казнь было б можно пыткой заменить,
Но кара, устрашение злодея, –
А также устрашение всех тех,
Кто обуян преступной волей. Правда?

Сансон

Согласен.

Гильотен

Так! А нынче казнь творится
Отсекновеньем головы...

Сансон

Что ж, можно
И вешать.

Гильотен

Никогда. Должна быть казнь –
Кровавою. Лишь вид пролитой крови
Нам достоительно потрясает душу.
Но голову рубить мечом... При этом
Палач, простите, исполнитель может
Неверный нанести удар...

Сансон

Бывает.

Гильотен

Преступник может увернуться. Надо
Тогда его ловить, держать; он бьется.
Нередко меч тупится – пять ударов
Не могут позвонки перерубить.
Преступник мучится недопустимо.
В сердцах глядящих шевелится жалость –
И тут благая цель наглядной казни
Не достигается. И я подумал:
Что если бы изобрести прибор,
Которым бы преступник недвижимо
Удержан был в пристойной позе, меч же,
Пружиной мощной кинутый, ложился
Как раз ему на шею...

Сансон

Да, пожалуй,
Так было б лучше. Надо поразмыслить.

Гильотен

Но я не практик. Думаю, что вам
Уместно было бы как знатоку

Сансон Проект составить.

Шмидт Шмидт, а ваше мнение?

Гильотен Я думаю, что доктор Гильотен...

Шмидт Вы знаете меня?

Гильотен О, да, наш цех,
Которому святой Жозеф патроном...

Шмидт А, плотник вы?

Гильотен Столяр и плотник. Я
На службе у суда. Моя работа
Для казней строить помосты.

Шмидт Так-так...
Немало вашей братии лечить
Мне приходилось как хирургу: вечно
Полпальца кто-нибудь отхватит стругом.

Сансон И вы всегда лечили превосходно,
И деньги трудно было вам вручить...
Так вот, пока вы говорили, я
Смекнул насчет прибора. Если меч
Сам должен наносить удар, то надо,
Чтобы он падал прямо вниз: тут груз
Удобно применить, а не пружину.

Шмидт Тогда уже не меч – топор широкий.

Гильотен Я это думал. А преступник должен
Под ним лежать. Продеть в колодку шею –
И все.

Шмидт Я не сообразил: как это?

Шмидт

А я вам начерчу.
(Ищет бумаги и берет с клавикордов ноты.)

Сансон

Ведь это ж ноты.

Шмидт

Тут чистый есть листок.
(Чертит.)
Вот-вот:
Устой, желобки для топора,
Здесь ложе и колодка.

Сансон

А топор?

Шмидт

Вот и топор.

Сансон

Прямой?

Шмидт

Прямой.

Сансон

Ну, нет.
Не знаете вы, что такое шея.
Ее перерубить прямым ударом
Так же легко, как гвоздь перекусить.
Вот, посмотрите:

(Достает из шкапа меч.)

Он дугой изогнут
И при ударе наискось скользит,
Разрезывает, а не разрывает.

Гильотен

Так очень просто: топору придать
Вид треугольника.

Сансон

Конечно, так.

Шмидт

Да, верно, косарем-то будет лучше.

Гильотен

Глубоко благодарен вам. Что значит
Мысль практика! Позвольте вас просить
Модель исполнить.

Шмидт

Рад служить вам, доктор.

Гильотен

А сколько бы...

Шмидт

Нет-нет, какая плата!
Ни ливра не возьму. Мы, столяры,
Все ваши должники.

Гильотен

Благодарю вас!
До скорого свиданья, господа.
Надеюсь, господин Сансон, что вскоре
Вам предстоит осуществить впервые
На практике прекрасную реформу.

Сансон

Прощайте, сударь! Если буду нужен
Вам для совета, милости прошу.

Гильотен

Благодарю сердечно. До свиданья!
(Уходит.)

Шмидт

Добряк... Вы что-то хмуритесь?

Сансон

Кто знает...
Оно бы лучше: нет возни; да горе:
Искусства тут не надо – всякий сможет
Связать да уложить, да дернуть крюк.
А род наш – он хранил секрет удара,
Была наследственной должностью наша...
А тут...

Шмидт

Пустое! Кто отнять посмеет
У сына вашего дворянство казни?..

Сансон

Ну, что ж, вернемся к музыке?

Давайте.

Сцена III

Кабинет доктора Гильотена.

Жером.

Жером (*рассматривая модель*)

Подводят, значит, на доску кладут,

Колодку захватывают шею,

(Кладет в модель палец.)

Потом пружинкой щелк. Ох, черт возьми.

Чуть пальцу голову не отрубил...

Бр-р-р... Шея – штука тонкая. Захватят

Ошейником дощатым и – пожалте! –

Подергайтесь, подрыгайте ногами,

Повтягивайте щеки – ускользнуть бы!

А нож – как в масло: ц-с-с, так и прорежет.

Ну и глоточек – пять пудов металла.

Нет, раньше поприятней было, право.

Тебя казнят, так ты – живой – стоишь,

Упрешься, думаешь: не шевельнуться б,

Не промахнулся бы палач. А тут

Одна обида – деревяшка держит,

А на тебя плевать...

И что это мой барин так срамится?

Можно сказать – хирург, лечить умеешь,

Горчишники тут, банки, кровь пускай,

Клистиры ставь, вари декокты – мало ль

Заботы всякой доброй? Нет, поди ж ты,

Стал смерть прописывать, добра желает.

Тьфу!

(Входят Гильотен, аббат Раго, судья де Вири, доктор Трейль.)

Гильотен

Прошу.

Трейль

Так вот уютный тот покой,
Где зрела ваша мысль, почтенный доктор.
Да, здесь, конечно, в этой тишине,
Где все полно раздумьем и природой,
Мог человеколюбец начертать
Свой план благой.

Де Вири

Прекрасно, бесподобно!
Пятьсот семнадцать казней видел я
И смело говорю: такой, как ныне,
Прекрасной операции не видел.
Спокойно, чисто, аккуратно. Раньше
Сансон тревожится, казнимый тоже,
Толпа глаза тарасит: как-то он
В последнюю минуту устоит?
А тут – машина. Никаких волнений.

Раго

И осужденный, примирившись с Богом,
Уже не отвлекается ничем,
Не отдает земной гордыне дани –
Взамен того, чтоб на друзей глядеть
И стойкостью тщеславною кичиться,
В последний миг молитву мирно шепчет
И искупление приемлет. Церкви
Немаловажную услугу вы,
Почтенный доктор, оказали.

Гильотен

Право,
Мне совестно: такие похвалы!
Ведь я лишь долг свой выполнял, не больше,
Долг гуманиста.

Трейль (*замечает модель*)

Вот она, машина.
Как остроумно! Этот нож косой.
Шарниры эти, быстрые зажимы.
Все учтено. Да, разум торжествует.

Де Вири

Вот мысли путь достойный! С государством
И правосудием войдя в союз...

Раго

И с церковью...

Де Вири

Она свою задачу
Почетно выполняет. Мы должны
Увековечить ваше имя, доктор.
Уже решил я: все мои вердикты
Именовать машину вашу будут –
Как? Угадайте? Гильотиной!

Раго и Трейль

Браво!

Гильотен

Сердечно вам признателен, друзья!

Де Вири

Позвольте нам откланяться. Примите
Признательность и удивленье наши.

Раго

Позвольте вас благодарить.

Трейль

Спасибо

От имени науки.

Гильотен

Господа,
Мгновенье это – лучшая награда
Для скромного ученого. Прощайте!
(Трейль, де Виро и Раго уходят.)
Жером, а ты молчишь? Ведь вышло все
По-твоему.

Жером

Да что же, сударь, я...
Я неученый человек. Не знаю...

Гильотен

Подумай: вывели его, Жибэ,
Взвели на эшафот; Прево прочел

Судебное постановление; дал
Ему аббат прощение грехов;
Потом Сансон с помощниками быстро
Его ремнями привязал к доске.
Перевернули доску... Правда, тут
Заминка вышла – голову втянул
Преступник, не попала прямо в прорезь,
И за уши его пришлось тащить,
Пока не уложили; свистнул нож,
И голова уже в корзине. Пять
Всего минут прошло. Ты что бормочешь?

Жером

Так... Пять минут – секунд три сотни, значит.
До тысячи успеешь просчитать.

Гильотен

Зато удар – мгновенно. Не успел
Он и вздохнуть. Как дуновенье ветра.
Страданья ни на йоту... Ты молчишь?

Жером

Я, сударь, попросить хотел вас...

Гильотен

Ну?

Жером

Я, сударь, из крестьян...

Гильотен

Так что же?

Жером

Там...

Ну, словом, полевые там работы.
Я, сударь... да... Пожалуйте расчет.

Гильотен

Да ты рехнулся, мой любезный? Как?
Три года служишь у меня, привык.
И я к тебе привык. Ты мне помощник.
А тут – расчет. Работы полевые...

Жером

Нет, сударь, уж увольте.

Гильотен

Да и денег
Нет у меня. Ведь ты не получал
Полгода жалованья. послужи
Еще с полгода. Раньше не смогу
С тобою рассчитаться.

Жером

Что ж, пускай.
Потом когда-нибудь. Прощайте, сударь.
(*Уходит.*)

Гильотен

Постой!.. Ушел... Что с ним такое, право?..

1922

